

Изюмская Светлана Сергеевна

ВОПРОСЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ "ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ", "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ")

Статья затрагивает вопрос об отражении темы правосудия в художественных текстах второй половины XIX века (на материале произведений Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы"). В центре внимания - соотношение понятий "судопроизводство", "судебная речь прокурора" в пространстве художественных текстов Ф. М. Достоевского, анализ языковых и стилистических особенностей судебных речей. На страницах художественного текста "оживают" действующие лица правосудия: адвокаты, прокуроры. Речи персонажей включают богатый "арсенал" изобразительно-выразительных средств языка. Исследование юридического дискурса помогает осмыслить судопроизводство второй половины XIX века, раскрыть образ автора художественного текста - мастера слова, гуманиста, психолога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 26-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE LONELINESS OF THE CREATIVE PERSONALITY
IN THE NOVEL "WHAT I LOVED" BY SIRI HUSTVEDT

Vafina Alsu Khadievna, Ph. D. in Philology

Gruzdeva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

Safina Al'bina Ramilevna

Kazan (Volga Region) Federal University

alsu_yafina@mail.ru; Reemyvera24@mail.ru; anna.albina94@mail.ru

The article studies the questions connected with the reception of creativity of the modern American writer Siri Hustvedt (1955). Special attention is paid to one of her popular novels "What I Loved" (2003). The authors of the article are interested in the peculiarity of representing the theme of loneliness in the work under consideration by the example of the main character of the novel – the artist Bill Wechsler. The key observations are founded on the significance of interpretation of the artist's paintings, which is a necessary condition for revealing Bill's inner world. The study of the narrative structure of this artistic text is based on the retrospective presentation of history.

Key words and phrases: American literature; Siri Hustvedt; theme of loneliness; solitude; retrospection.

УДК 81'373

Статья затрагивает вопрос об отражении темы правосудия в художественных текстах второй половины XIX века (на материале произведений Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»). В центре внимания – соотношение понятий «судопроизводство», «судебная речь прокурора» в пространстве художественных текстов Ф. М. Достоевского, анализ языковых и стилистических особенностей судебных речей. На страницах художественного текста «оживают» действующие лица правосудия: адвокаты, прокуроры. Речи персонажей включают богатый «арсенал» изобразительно-выразительных средств языка. Исследование юридического дискурса помогает осмыслить судопроизводство второй половины XIX века, раскрыть образ автора художественного текста – мастера слова, гуманиста, психолога.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; автор; художественный текст; судопроизводство; судебная речь; прокурор; языковая личность.

Изюмская Светлана Сергеевна, к. филол. н., доцент

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

SVETLANA.DRIGA@yandex.ru

**ВОПРОСЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»,
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)**

Вопросы судопроизводства, юридического дискурса сегодня находятся в центре внимания исследователей (М. А. Кожина, П. А. Лупинская, О. Н. Тютюнова, Л. Е. Попова и др.). Особый интерес представляют вопросы, затрагивающие соотношение данного дискурса с пространством художественного текста, языковой личностью автора. В современных исследованиях языковая личность определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых текстов» [5, с. 8].

Как известно, художественные тексты Ф. М. Достоевского наиболее полно воспроизводят судебные реалии, помогают постичь языковую личность автора. Страстный призыв писателя-гуманиста в романе о преступлении и наказании к нравственному возрождению и личной ответственности перед любым социальным выражением зла звучит как ответ на недоверие к официальной законности, поддерживаемой многими деятелями судебной реформы. Действие в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» происходило в 1865 г., т.е. после объявления судебной реформы 1864 г. В этот период судебные уставы ещё не были введены. Но русская общественность в канун судебной реформы живо интересовалась юридическими проблемами: значительно возросло число научных исследований правовой тематики. Разрабатывались нравственные начала в судебном процессе как реакция на формализм, царивший в дореформенном суде, общественная совесть в мире присяжных заседателей ставилась над законоуложением. Нравственная сила самодержавной власти рассматривалась как результат возможных ошибок в суде присяжных. Художественным выражением всех этих изменений в обществе, в сфере права явилось описание студенческой судьбы Раскольникова и особенно его рассуждений о праве и силе, о проблеме преступления, изложенных в теоретической статье, ставшей кредо его будущего преступления.

Чрезвычайно важен тот факт, что всё содержание «Преступления и наказания» проникнуто духом времени, тех изменений, которые формировались к тому времени в мировой юридической науке. Главными в ней были следующие: замена «абсолютной» теории наказания «относительной» теорией, предусматривающей исправительное воздействие; определение личной ответственности за преступление не только чисто юридически, но и с учетом обстоятельств, не зависящих от воли человека. Суд над личностью получал основания для того, чтобы стать судом над обществом.

Невзирая на эти новые веяния в юридической науке 60-х гг., отразившиеся в издаваемых научных исследованиях [6, с. 128-129], в дискуссиях и диспутах о проблеме преступления и других насущных проблемах, сюжетные линии романа Ф. М. Достоевского, как и произведений других авторов тех годов, воспроизводили реальность дореформенного судопроизводства. И все же, хотя сыскная логика 60-х годов основывалась на старой теории судебных доказательств, при помощи улик-фактов, в романе просматривается скептическое отношение к теории явных улик и вводится характеристика новой теории улик косвенных, психологических.

Проницательный писатель-психолог Ф. М. Достоевский относится и к вещественным, и к психологическим уликам с одинаковой осторожностью. Не в пример такому известному адвокату, работавшему в русском пореформенном суде, как С. А. Андреевский. Он прибегал только к психологическим методам защиты, призывал присяжных заседателей выносить вердикт не на основании доказательств, а на основании состояния души подсудимого (заглянуть в душу подсудимого). По мнению С. А. Андреевского, присяжные заседатели всегда должны стараться понять, чем был вызван образ действий подсудимого [2, с. 123].

Ф. М. Достоевский справедливо полагал, что психологическая улика, как и любая другая, не всегда точно воспроизводит смысл происшедшего и может быть недостаточной в оценке образа действий подсудимого. Эта мысль находит свое воплощение в образе одного из главных персонажей романа Ф. М. Достоевского, пристава следственных дел Порфирия Петровича, который раскрывает преступление Раскольникова.

В романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский даёт образ преступника «необычного», совершающего «идейное» убийство, проливающего «кровь по совести». Но юридическое сознание в России середины 60-х гг. не достигло ещё той степени развития, которое позволило бы автору дать ответ на вопросы о возможности существования уголовной ответственности в социально оправдываемом «идейном» убийстве и определения формы наказания. Тем не менее вопрос этот поставлен в романе «Преступление и наказание», звучит в судебных очерках писателя.

Порфирию Петровичу ясно, что проблему преступления и наказания невозможно разрешить, следуя официальной законности. Он все же остается следователем и добивается того, что Раскольников является с повинной. Однако финал романа оптимистичен, Порфирий Петрович понимает, что приговоренному к каторге Раскольникову не поможет никакой «срок» и что единственный путь к его нравственному возрождению – это освобождение от «глубокой лжи» [4, с. 418].

Раскольников с помощью Сони Мармеладовой находит в себе силы избавиться от своих маниакальных «теорий», избавляется от «ненависти», которая исчезает «как призрак» [Там же, с. 314], и вступает в новую жизнь с её созидательными законами милосердия и любви. Совершенное же им преступление кажется ему теперь «каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом» [Там же, с. 122].

Ф. М. Достоевский воплотил в образах романа «Преступление и наказание» своё понимание опыта 60-х годов. Писатель-гуманист, всю жизнь испытывающий глубокое сострадание к тем, к кому были несправедливы и кто был несчастлив, чья жизнь была порой похожа на круги дантова ада, гневно осуждал индивидуалистический эгоизм, жестокость тех, кто был способен переступить через чужую жизнь и горе во имя своих корыстных интересов. Герой романа «Преступление и наказание» Раскольников намеревался, по его словам, оправдать одно убийство тысячью добрых дел, но, как убедительно показано в книге, этот безудержный эгоизм, кровавый произвол встретили достойный отпор со стороны правосудия, и суд вынес Раскольникову справедливый вердикт – каторгу.

Ф. М. Достоевский показывает, что «идея» Раскольникова чужда массам и что его преступление вызвано беспримерной гордыней заблудившегося одиночки, запутавшегося в сетях путаных сумбурных «теорий», лишённых здравого смысла и какой-либо аргументации.

А. Ф. Кони утверждал, что реализм «всех мельчайших подробностей» «Преступления и наказания» носит характер «жуткого предсказания» [6, с. 413]. В самом деле, современный факт легко вписывался в романное повествование Ф. М. Достоевского. Это могла быть бытовая деталь, как, например, «желтая» питьевая вода в Петербурге 1865 года или точная деталь места действия – тринадцать ступенек последнего лестничного марша Раскольникова и др. А теория разумного эгоизма, модный тогда утилитаризм служат основой поведения некоторых из персонажей романа.

Внимание к факту, его точное обозначение, строго обдуманная сфера жизни факта в структуре художественного повествования были своеобразным творческим откликом писателя на его «позитивное» время. Недаром исследователи отмечали «репортажный» характер реализма Ф. М. Достоевского [3, с. 251]. Однако монографическая точность была скорее «методом его творчества, чем его художественной целью» [7, с. 6].

Структура романа «Преступление и наказания» рождается из противодействия факту. Несомненно, «фактическим» признаком времени Ф. М. Достоевского был черствый эгоистический расчет, возведенный в норму человеческого поведения. С социальным механизмом этого факта борется в романе живая натура Раскольникова. Раскольников находится во власти идеи своей эпохи: убийство кажется арифметически верным решением общественных проблем, силлогизм о совпадении нравственности с пользой снимает с этой идеи этическую оценку и придает ей ореол героичности. Собираясь переступить через «обыкновенную» нравственность, Раскольников мнит себя героем необыкновенным: сверхчеловеком, «Наполеоном».

Повышенный интерес к юридическим вопросам возникает у Ф. М. Достоевского в 70-е годы XIX века. В этот период появляется последний роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором большое внимание автор уделяет прокурору Ипполиту Кирилловичу. Прототипом его в значительной мере послужил близкий некогда к Достоевскому, а затем разошедшийся с ним выдающийся критик В. Г. Белинский. На это

указывает целый ряд моментов. Прокурор, как и Белинский, радикальный западник, искренне убежденный, что спасение России, которую он горячо любит, в усвоении достижений европейской цивилизации.

Прокурор – человек «самолюбивый и раздражительный, при весьма солидном, однако, уме и даже доброй душе». Данная характеристика полностью соответствует характеру В. Г. Белинского. Прокурор смертельно болен чахоткой, от которой умирает в 36-летнем возрасте (как и В. Г. Белинский). Меньше чем за год до смерти он выступает на суде с речью, которая стала, по общему признанию, его шедевром и «лебединой песнью». В этой речи нашел отражение целый ряд положений, взятых из трудов В. Г. Белинского, в том числе из его знаменитого письма к Н. В. Гоголю, кстати, последнее было написано великим критиком также менее чем за год до смерти и стало его «лебединой песнью».

Следует вспомнить и то, что В. Г. Белинский находился под подозрением у властей из-за своих демократических взглядов, а также немало мучился из-за несправедливого отношения к себе Краевского – владельца журнала «Отечественные записки», в котором он работал. Точно так же прокурор, по словам Ф. М. Достоевского, «всегда уверен был, что там, в высших сферах его не сумели оценить и что у него есть враги. В мрачные минуты он грозился даже перебежать в адвокаты по делам уголовным». Реальную помощь В. Г. Белинскому оказал только молодой литератор, а впоследствии знаменитый поэт Николай Некрасов, пригласивший его ведущим критиком в свой журнал «Современник».

Единственным человеком, полностью разделяющим взгляды прокурора и старающимся помочь ему, оказывается молодой следователь Николай Неладов. Как подчеркивает Ф. М. Достоевский, «этот человек чувствовал к прокурору необыкновенное уважение и почти сердцем сошелся с ним». Зато, в свою очередь, молоденький Николай Парфенович оказался единственным тоже человеком в целом мире, которого искренне любил «обиженный прокурор». Даже в имени-отчестве прокурора Ипполита Кирилловича можно подметить определенную параллель с Виссарионом Григорьевичем Белинским: у него редкое имя и распространенное отчество.

Прокурор не сомневается с самого начала в виновности Дмитрия. Ведь против обвиняемого указывают практически все улики, а в пользу его только умозрительные предположения, не подкреплённые фактами. Тем не менее в ходе предварительного следствия он внимательно выслушивает доводы в пользу подозреваемого и, насколько это возможно, старается проверить их основательность. Добросовестно изучив доступные ему обстоятельства дела, он выступает со своей речью на суде.

Сцены суда нужны Ф. М. Достоевскому, прежде всего, для того, чтобы провести перед читателем все сюжетные линии. Заставляя читателя заново знакомиться с событиями в полярно-противоположных интерпретациях прокурора и адвоката, Ф. М. Достоевский как бы приглашает всех задуматься о смысле и причинах происшедшего. Весь роман – это как бы следственный материал по делу Карамазовых, все читатели превращаются, по сути дела, в присяжных заседателей со своими разноречивыми мнениями и решениями.

Время создания романа совпало с тем периодом истории России, когда либерально-буржуазные преобразования затронули разные стороны общественной жизни, в том числе и судостроительства. Новые экономические условия продиктовали необходимость проведения судебной реформы, получившей окончательное завершение в судебных уставах 1864 г.

Действие «Братьев Карамазовых» происходит как раз в середине 60-х годов XIX в. Дело Дмитрия Карамазова – одно из первых дел нового гласного суда. В этом суде поразительно быстро выдвинулись талантливые ораторы, деятельность которых имела большое значение в ту эпоху. Их всех объединяло стремление к справедливости, детализированный анализ на всех этапах судебного процесса. Выступая против поверхностного рассмотрения дела обвиняемого, они призывали к тщательному изучению выдвинутых против обвиняемого улик, к анализу его психологии.

Интерес русских юристов к литературе нашел глубокое отражение в их профессиональной работе. Отсюда та высокая культура речи, которая отличала их выступления. Судебные речи были отмечены многими учеными-литературоведами и филологами. В частности, В. В. Виноградов отмечал: «В каждом жанре судебно-ораторских речей наглядно обнаруживается непосредственное влияние подходящих по сюжету или тематике произведений художественной литературы. Естественно предполагать обратное влияние уголовно-судебных процессов на романы и повести» [1, с. 150].

В речи прокурора Ипполита Кирилловича большое место занимает изложение его политических взглядов, в сущности, не имевших прямого отношения к рассматриваемому уголовному делу. Обвинитель резко клеймит отсталость России и призывает к переменам, которые, по его мнению, необходимо начать с критического взгляда на общество и историю. Упоминая о серьезном росте преступности, он видит в этом симптом национальной болезни русского общества. Следует оговорить, что примеры, которые приводит прокурор, относятся не к 60-м, а к концу 70-х гг. XIX века. Они стали известны Ф. М. Достоевскому, когда он уже работал над романом. Так, Ипполит Кириллович упоминает молодого офицера из высшего общества, который зарезал мелкого чиновника и его служанку, чтобы похитить свой долговой документ, а заодно и остальные деньги. Здесь явно автор имеет в виду гвардейского поручика Дандсберга, осужденного за свое преступление к ссылке на Сахалин. Там он стал владельцем солидного магазина и впоследствии принимал у себя в гостях Антона Павловича Чехова. Упомянется прокурором и «молодой герой», обвешанный крестами «за Храбрость», который «разбойнически умерщвляет на большой дороге мать своего вождя и благодетеля». Очевидно, что в этом примере подразумевается адъютант знаменитого генерала Ковалева капитан Узатис, который с целью ограбления убил мать своего начальника, ее горничную и кучера, а позднее застрелился при попытке ареста.

Ф. М. Достоевский явно идёт на сознательное смещение времени, вставляя эти примеры в речь прокурора. Преступление Карамазова, по мнению обвинителя, относится к тому же роду преступлений, порождённых

нравственной болезнью дворянского общества. Вся семья Карамазовых, по его убеждению, как бы символизирует это общество. Федора Павловича прокурор считает воплощением старой крепостнической России. А Ивана – типичным представителем циничного интеллигента-западника, превратно воспринявшего и искавшего здоровые идеи западной цивилизации. А в Алёше он видит православного националистопочвенника; последнее, по мыслям прокурора, самое худшее, так как может перерасти в «мрачный мистицизм и тупой шовинизм» – «два качества, грозившие, может быть, еще большим злом нации, чем даже раннее раствление от ложно понятного и даром добытого европейского просвещения». Что же касается самого Дмитрия, то он, по утверждению обвинителя, «изображает собой Россию непосредственную», то есть тип людей, которые имеют в жизни высокие идеалы, но не только не стремятся достичь их, а напротив, руководствуются лишь удовлетворением своих самых низменных потребностей.

Основная часть обвинения против Дмитрия почти целиком основывается прокурором на «психологии преступления». Все действия обвиняемого он рассматривает под углом зрения психологического склада Дмитрия, его душевного состояния. В то же время Ипполит Кириллович не избегает и конкретных фактов, разбирая их под таким углом, чтобы подтвердить обоснованность обвинения. Время от времени обвинитель даже становится на позицию предполагаемого защитника, рассматривая возможные контрдоводы, но лишь для того, чтобы убедить суд в их несостоятельности. Более того, он хорошо понимает, что кроме Дмитрия подозревать в убийстве можно только Смердякова. Ипполит Кириллович посвящает целый раздел своей речи обоснованию того положения, что Смердяков не только по своим психическим свойствам, но даже технически не имел возможности совершить преступление (здесь он ошибся: Смердяков вполне мог его совершить, так как только симулировал приступ эпилепсии). Большую роль в речи обвинителя играет патетика, основанная на риторических вопросах и восклицаниях, на использовании «высокой» эмоциональной лексики. И завершается его выступление на самой высокой патетической ноте.

В романе «Братья Карамазовы» выражены языковые и стилевые особенности, характерные для судебной речи описываемой эпохи. Так, в выступлении упомянутого нами обвинителя большую роль играет политика, основанная на риторических вопросах и восклицаниях, на использовании «высокой» эмоциональной лексики («мрачные дела», «ужасаться», «знамения времени», «всеобщее зло» и др.). Приводим отрывок из речи обвинителя: «Господа присяжные заседатели, – настоящее дело прогремело по всей России. Но чему бы, кажется, удивляться, чего так особенно ужасаться? Нам-то, нам-то особенно? Ведь мы такие привычные ко всему люди! В том-то и ужас наш, что такие мрачные дела почти перестали для нас быть ужасными! Вот чему надо ужасаться, привычке нашей, а не единичному злодеянию того или иного индивидуума. Где же причины нашего равнодушия, нашего чуть тепленького отношения к таким делам, к таким знамениям времени, пророчествующим нам незавидную будущность? <...> Но важнее всего то, что множество наших русских, национальных наших уголовных дел свидетельствуют именно о чем-то всеобщем, о какой-то общей беде, прижившейся с нами и с которой, как со всеобщим злом, уже трудно бороться...» [4, с. 127]. Это выступление из речи обвинителя кончается на самой высокой патетической ноте.

Прокурор, как и в начале своей речи, обращается к гоголевскому образу птицы-тройки. Но видит он в этом образе не символ мчащейся вперед России, не русскую удаль и напор, а тупую бессмысленную силу, влекущую страну к гибели. И он взывает, обращаясь к присяжным заседателям: «Не мучьте же Россию и её ожидания, роковая тройка наша несется стремглав и, может, к погибели. И давно уже в целой России простираются руки и зывают остановить бешеную, беспардонную скачку. И если сторонятся пока еще другие народы от скачущей сломя голову тройки, то, может быть, вовсе не от почтения к ней, а просто от ужаса – это заметьте. От ужаса, а может, и от омерзения к ней, да и то ещё хорошо, что сторонятся, а, пожалуй, возьмут да и перестанут сторониться и станут твердою стеной перед стремящимся видением и сами остановят сумасшедшую скачку нашей разнузданности, в видах спасения себя, просвещения и цивилизации! Эти тревожные голоса из Европы мы уже слышали. Они раздаваться уже начинают. Не злите же их, не копите их все нарастающей ненависти приговором, оправдывающим убийство отца родным сыном!» [Там же, с. 123].

В своей обвинительной речи прокурор исходит в основном из «психологии преступления», анализирует психологический склад обвиняемого Дмитрия Карамазова. В этом он солидаризуется с юристом К. К. Арсеньевым, известным как «страж адвокатской этики». В своих выступлениях Арсеньев призывал суд ориентироваться на те факты, которые имеют непосредственное отношение к преступлению, не опираться на биографические данные подсудимого. Так, он говорил: «Прежде всего, мне кажется, что жизнь подсудимых до преступления, в котором они обвиняются, какова бы она ни была, должна оставаться совершенно в стороне как от судебных прений, так и от судебного следствия, если только в этой жизни нет ничего такого, что бы прямо и непосредственно относилось к тому деянию, в котором они обвиняются» [2, с. 286]. Совершенно очевидно, что К. К. Арсеньев в своей речи предостерегал от использования прокурором тех данных о прошлом обвиняемого, которые не имели ничего общего с его преступлением, но могли быть обращены против него с целью вызвать у присяжных заседателей неприязнь и тем самым оказать влияние на их приговор (вердикт). Из таких же позиций исходил прокурор в деле Дмитрия Карамазова, который начал свою речь не с описания обстоятельств преступления, а с характеристики личности обвиняемого: «О, мы непосредственны, мы зло и добро в удивительнейшем смешении, мы любители просвещения и Шиллера и в то же время мы бушем по трактирам и вырываем у пьянчужек, собутыльников наших, бороденки... О, дайте, дайте нам всевозможные блага жизни (именно всевозможные, дешевле не помиримся), и тогда и мы докажем, что можем быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, нет, но, однако же, подавайте нам денег, больше,

больше, как можно больше денег, и вы увидите, как великодушно, с каким презрением к презренному металлу мы разбрасываем их в одну ночь в безудержном кутеже» [4, с. 137]. Вся речь прокурора отличается патетикой обличения и, пожалуй, наиболее ярко и выразительно патетика эта выражена в анализе душевного состояния Дмитрия Карамазова, психологии его личности.

Таким образом, в художественных текстах Ф. М. Достоевского нашли отражение правовые вопросы XIX века (изменения в законодательной базе, события и судьбы). Детализированный анализ языковых и стилистических особенностей судебных речей прокуроров, адвокатов, действия персонажей, анализ сюжетных линий помогают читателям проникнуть в «ткань текста», раскрыть языковую личность автора.

Список источников

1. **Виноградов В. В.** О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
2. **Ворожейкин Е. М.** Судебные речи известных русских юристов. М.: Госюриздат, 1958. 871 с.
3. **Данилов В. В.** К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского // Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение общественных наук. 1933. № 3. С. 249-263.
4. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. 418 с.
5. **Карасик В. И.** Языковой круг. Личность. Концепт. Дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
6. **Кони А. Ф.** Полное собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Юридическая литература, 1969. Т. 4. 546 с.
7. **Лихачев Д. С.** В поисках выражения реального // Достоевский Ф. М. Материалы и исследования. СПб.: РАН; Институт русской литературы; Наука, 2007. Вып. 1. С.5-13.

**ISSUES OF LEGAL PROCEEDING IN F. M. DOSTOYEVSKY'S LITERARY TEXTS
(BY THE MATERIAL OF THE NOVELS "CRIME AND PUNISHMENT", "THE BROTHERS KARAMAZOV")**

Izyumskaya Svetlana Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don
SVETLANA.DRIGA@yandex.ru

The article tackles the problem of representation of the theme of justice in the literary texts of the second half of the XIX century (by the material of F. M. Dostoyevsky's novels "Crime and Punishment", "The Brothers Karamazov"). The researcher pays special attention to the issue of correlation of the notions "legal proceedings", "prosecutor's courtroom speech" in the space of F. M. Dostoyevsky's literary texts, the analysis of linguistic and stylistic peculiarities of courtroom speeches. The participants of legal proceeding – lawyers, prosecutors – come alive in the pages of the literary text. Personages' speeches include a wide range of figurative-expressive linguistic means. Studying juridical discourse helps to understand better legal proceeding of the second half of the XIX century, to reveal the image of an author – word-painter, humanist, and psychologist.

Key words and phrases: F. M. Dostoyevsky; author; literary text; legal proceeding; courtroom speech; prosecutor; linguistic personality.

УДК 070(091); 316.77(091)

В статье рассмотрена проблема репрезентации внешнеполитических событий на страницах армавирской частной газеты «Отклики Кавказа» накануне Первой мировой войны (1909-1914) в свете осмысления информационно-политической политики этой региональной газеты. Значительное внимание уделяется опубликованным на страницах газеты материалам о столкновениях балканских государств и русско-германских отношениях. Предпринята попытка проявить корреляцию особенностей информационно-политической политики газеты в период Первой мировой войны с особенностями осмысления заграничных событий в предвоенный период.

Ключевые слова и фразы: газета «Отклики Кавказа»; информационная политика; Первая мировая война; передовая статья; рубрика; отдел; репрезентация; патриотизм; оппозиционность.

Крижановский Николай Игоревич, к. филол. н., доцент
Армавирский государственный педагогический университет
nicolaykri@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА СТРАНИЦАХ АРМАВИРСКОЙ
ГАЗЕТЫ «ОТКЛИКИ КАВКАЗА» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1909-1914):
К ПОНИМАНИЮ СПЕЦИФИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГАЗЕТЫ**

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-14-23002 а(р) «Армавирская газета "Отклики Кавказа" (1909-1916): информационная политика редакции, проблемно-тематические линии текстов, жанровая палитра».

Исследование столичной и региональной дореволюционной печати – одно из важнейших направлений развития современной истории журналистики. Особое внимание этому уделяют такие авторы, как Г. В. Жирков, Е. В. Ахмадулин, Ю. В. Лучинский, О. И. Лепилкина.